

Хэ Чжэньшу прождал довольно долго, но Пэй Чанлин так и не вернулся в комнату — в итоге он незаметно для себя уснул.

Когда проснулся, прошло уже больше часа.

Он взглянул на небо за окном, позвал пару раз:

«Пэй Чанлин?»

Никакого ответа.

Куда этот человек опять подевался???

Хэ Чжэньшу больше не мог спокойно лежать. Он вскочил, оделся и пошел на улицу.

Едва успел выйти во двор, как услышал голоса.

«Чанлин, у тебя руки золотые! Раньше-то почему от отца не слышал, что ты так умеешь?» - говорил кто-то.

Во внешнем дворе стоял высокий крестьянин с загорелым лицом. Пэй Чанлин сидел рядом на стуле, с маленьким молотком в руке, что-то подбивая в деревянном плуге перед собой.

«Готово» - сказал он, выпрямившись. «Дядя Гэ, попробуйте теперь».

«И правда починил!» - крестьянин испытал инструмент и, довольный, улыбнулся, но потом немного смутился. «Чанлин, ты же знаешь, как у нас туго... урожай ещё не собран, за починку я сейчас заплатить не смогу...»

Пэй Чанлин покачал головой:

«Пустяки, делов-то. Деньги не нужны».

Хэ Чжэньшу: «...»

Крестьянин сразу засиял, несколько раз поблагодарил и, пообещав после жатвы принести им пару цзиней пшеницы, ушёл, унося починенный плуг.

Хэ Чжэньшу подошёл ближе:

«Ты что, благотворительностью занялся?»

Он вовсе не удивился, что кто-то пришёл к Пэй Чанлину за починкой. После того, как тот днём помог тётке Ван со шкатулкой при свидетелях, слух о его мастерстве уже наверняка разлетелся по всей деревне.

Но почему же он каждый раз отказывается брать деньги?

Поначалу Пэй Чанлин, кажется, не заметил, что Хэ Чжэньшу вышел. Услышав его голос, он вздрогнул, замер с инструментами в руках и неловко обернулся:

«Ты... тебе уже лучше?»

«Намного» - ответил Хэ Чжэньшу, помогая ему сложить инструменты в сарае. Увидев на полу гору стружек, он потянулся за метлой:

«Это уж точно не „пустяковое дело“. У него ведь плуг был серьёзно сломан, да?»

Пэй Чанлин не дал ему прибраться, сам взял метлу:

«Да, у него треснул лемех. Я заменил новым».

А лемех — самая важная часть плуга; заменить его — почти то же самое, что сделать новый с нуля.

Хэ Чжэньшу тяжело вздохнул:

«Один плуг можно продать за добрый десяток монет, а ты щедрый, как Будда».

Пэй Чанлин продолжал мести, спокойно поясняя:

«У дяди Гэ жена пару лет назад тяжело болела, всё хозяйство тогда обнищало. Даже прошлогодний налог им вся деревня помогала собрать».

У семьи Гэ дела шли плохо: вот-вот наступит время сбора урожая, и если плуг снова выйдет из строя, это может сорвать сбор всего урожая.

Пэй Чанлин не мог, да и не стал бы наживаться на чужой беде.

Хэ Чжэньшу вздохнул — ничего не поделаешь.

По характеру Пэй Чанлин был точь-в-точь как его отец.

Старший Пэй, тот самый плотник, тоже жил ремеслом, но стоило встретить односельчанина, которому нужна помощь — то вовсе не брал платы, то соглашался лишь на стоимость

материалов.

С таким мастерством Пэй могли бы жить не бедно,

а вместо этого едва сводили концы с концами.

Да, добрая семья.

Только вот не всякий умеет это добро ценить.

Пэй Чанлин подмёл пол, подошёл к стулу и взял в руки бамбуковый цилиндр и резец. Этот кусок бамбука отец тайком подарил ему ещё тогда, когда они делали масляную бумажную зонтику. С тех пор Чанлин вырезал на нём узоры уже почти полмесяца — и теперь работа наконец начала обретать форму.

Хэ Чжэньшу спросил:

«Ты не собираешься отдохнуть? Днём тебе ведь было нехорошо».

Руки Пэй Чанлина на мгновение замерли.

Он заметно смутился, взгляд забегал:

«Мне... мне не было плохо».

«Но ты же...» - Хэ Чжэньшу прикусил губу и, подумав, решил не продолжать.

Он пододвинул стул и сел рядом с Пэй Чанлинем.

Полуденное солнце было мягким и тёплым. Дахэй — большой пёс, которого сегодня не повели на прогулку, бегал вокруг, виляя хвостом.

Хэ Чжэньшу погладил его по голове, но взгляд всё равно то и дело возвращался к мужчине рядом.

Пэй Чанлин не только умел работать по дереву — в резьбе он был поистине мастером.

В его руках небольшой бамбуковый цилиндр постепенно превращался в изящный миниатюрный павильон с садом.

Каждая плитка, каждый камень, каждая ветка были выточены с невероятной точностью,

словно настоящие.

А в самом центре крошечного дворика, на резной дощечке, свернулась спящая кошка.

Пэй Чанлин сидел, сосредоточенно работая, и тонким ножом выводил на дереве отдельные шерстинки.

Эта работа и правда была тонкой, но вовсе не потому занимала так много времени.

Настоящая причина была в том, что «маленький больной» наконец научился беречь себя.

Раньше он всё делал с упорством до изнеможения, забывая о собственном теле.

Теперь же, став осторожнее, он отдыхал, когда уставал, выходил на солнце, гулял.

Благодаря этому Хэ Чжэньшу перестал его без конца отчитывать — не хотел походить на тех ворчливых жён из деревни, которые после свадьбы только и делают, что бурчат и всем управляют.

Тем более, между ним и Пэй Чанлином ведь не было настоящих супружеских отношений.

Пока Хэ Чжэньшу погружался в эти мысли, Пэй Чанлин вдруг остановил резец и, не поднимая взгляда, произнёс:

«Перестань на меня так смотреть».

«А?» - Хэ Чжэньшу моргнул, искренне удивившись.

Пэй Чанлин тихо выдохнул — под взглядом собеседника он никак не мог успокоиться и сосредоточиться. Решив больше не упрямиться, он сдул опилки с поверхности бамбукового цилиндра, вынул из-за пазухи мягкую ткань и тщательно протёр изделие до блеска.

Затем протянул вещь вперёд:

«Посмотри, как тебе?»

«...Ты хочешь, чтобы я посмотрел?» - Хэ Чжэньшу немного растерялся, но всё же протянул руки и осторожно взял предмет.

Этой работой Пэй Чанлин занимался почти полмесяца. По тонкости и изяществу исполнения она ничуть не уступала дорогим изделиям ручной работы, которые Хэ Чжэньшу когда-либо видел в городе. Ему казалось, что теперь эта вещь дороже всего, что у него есть; он держал её

с величайшей осторожностью, боясь пошевелиться.

«Пока что пользоваться ею нельзя» - сказал Пэй Чанлин. «Нужно трижды покрыть тунговым маслом и дать высохнуть — так сохранится на дольше».

«О-о...» - механически кивнул Хэ Чжэньшу, а потом вдруг осознал смысл сказанного. «Ты... ты хочешь сказать, что эта вещь...»

«Твоя» - Пэй Чанлин, протирая резец мягкой тканью, заметил растерянное выражение на лице молодого мужа, и на уголках его губ наконец тронула лёгкая улыбка. «Я возился с этим столько времени... неужели ты до сих пор не понял, что это такое?»

«Конечно понял» - Хэ Чжэньшу поспешно ответил. «Это же подставка для кистей! Но зачем ты...»

Пэй Чанлин мягко перебил его:

«Кроме тебя, кому ещё в нашем доме она может пригодиться?»

Ведь кроме самого Пэй Чанлиня и его отца, Пэй-плотника, никто в семье не умел ни читать, ни писать.

Раньше, когда нужно было расписать бумажный зонт, Хэ Чжэньшу достал свои кисти, тушь, бумагу и чернильницу — они ненадолго увидели свет. Но в последнее время он снова убрал всё это в деревянный ящик. Порой, когда ему хотелось почитать или что-то записать, приходилось перерыть весь ящик, что было крайне неудобно.

«Когда закончится уборка урожая, - сказал Пэй Чанлин, поднимаясь, чтобы отнести резцы обратно в мастерскую, - попрошу отца сделать тебе письменный стол и книжный шкаф».

Он чуть помедлил и добавил:

«Или я сам сделаю. Правда, может выйти немного долго».

Повернувшись, он увидел, что молодой муж всё так же сидит на месте, ошеломленно глядя перед собой. Тогда Пэй Чанлин смягчил голос:

«Ты не хочешь?»

«Н-нет, не в этом дело!» - поспешно вскочил Хэ Чжэньшу. «Просто... я...»

Пэй Чанлин опустил взгляд на него — его глаза были мягкими, спокойными, но под этим взглядом Хэ Чжэньшу будто загорелся изнутри, не в силах выдержать и отвёл глаза.

Но ведь он собирался уйти отсюда.

Когда Пэй Чанлин полностью поправится, у него больше не будет причин оставаться в этом доме. Даже если стол и шкаф будут готовы — пользоваться ими он сможет совсем недолго».

А Пэй Чанлин это ведь прекрасно понимал.

Так почему же всё равно...

Хэ Чжэньшу сжал губы и опустил взгляд на бамбуковый пенал в своих руках. За эти две недели он сам наблюдал, как Пэй Чанлин шаг за шагом вытачивал и вырезал это изделие, знал, сколько труда и терпения тот вложил в него. Поэтому ему и в голову не приходило, что эта вещь окажется подарком — для него».

Хэ Чжэньшу мягко провёл пальцем по вырезанной на пенале маленькой кошке, но как ни пытался — не смог подобрать слов, чтобы выразить всё, что чувствовал.

«Я...» - начал он.

«Потом поговорим» - произнёс Пэй Чанлин одновременно с ним.

Хэ Чжэньшу поднял глаза, а тот тихо улыбнулся:

«С моим здоровьем я пока могу делать только такие мелочи. Большую мебель пока не осилю. Когда немного окрепну...»

Он не договорил. Вместо этого поднял свободную руку и мягко убрал прядь волос, выбившуюся у виска Хэ Чжэньшу, за его ухо.

...

Растяжение у Хэ Чжэньшу оказалось не слишком серьёзным — после растирания лекарственной настойкой, сделанной Пэй Чанлином, уже на следующий день он почти полностью поправился.

Однако Пэй Чанлин, опасаясь, что тот ещё не восстановился до конца, посоветовался с Пэй-цзяном и решил, что Хэ Чжэньшу пока не стоит выходить в поле.

К тому же у молодого мужа было немного сил, да и опыта в сельской работе почти не было — толку от него в поле было мало. Зато дома он мог присматривать за хозяйством и приносить еду работавшим в поле членам семьи.

Пэй-цзянь с этим согласился.

Но в итоге готовить пришлось именно им двоим.

А ещё хуже было то, что после того, как все узнали, что Пэй Чанлин умеет работать с деревом, к нему каждый день приходили всё новые и новые люди — кто с табуреткой, кто с лопатой, кто с дверцей от шкафа — и, как назло, именно в то время, когда они собирались готовить.

«Тётка Ли спрашивает, - сказал он, входя, - не поджёт ли ты, часом, кухню. Просила меня зайти и проверить».

Пэй Чанлин только что проводил очередного сельчанина, пришедшего с поломанной вещью, и, подходя к кухне, поморщился от густого дыма, валившего наружу.

Хэ Чжэньшу сидел на корточках у очага. Из печи клубился чёрный дым, а на столешнице стояла миска яичницы, наполовину превращённой в уголь. В руках у него была щепка для растопки. Услышав голос, он поднял голову и с жалобным вздохом произнёс:

«Готовить — это слишком сложно...»

Пэй Чанлин не удержался и рассмеялся.

Ещё совсем недавно этот маленький муж выглядел аккуратным и опрятным, а теперь рукава у него испачканы, волосы взъерошены, на лице пятна золы — словно маленький котёнок, вывалявшийся в пыли.

«Чего ты смеёшься!» - недовольно буркнул Хэ Чжэньшу.

Пэй Чанлин откашлялся, стараясь не выдать улыбку, и, наклонившись, помог ему подняться:

«Просто никогда не видел, чтобы кто-то готовил так, будто ведёт сражение».

«Будто ты сам когда-нибудь видел войну...» - пробурчал Хэ Чжэньшу, глянув на почерневшие яйца и тяжело вздохнув. «Лучше ты готовь. Пусть у тебя и невкусно, зато хотя бы есть можно».

Пэй Чанлинь: «...»

«Наконец-то сказал правду, да?» - протянул Пэй Чанлин, едва заметно усмехнувшись.

Ещё пару дней назад этот маленький муж делал вид, будто еда ему очень нравится.

После этих слов Хэ Чжэньшу перестал обращать на него внимание. Он поднял тарелку с

пригоревшей яичницей и попытался выковырять из неё хоть что-нибудь съедобное. Пэй Чанлин опустил взгляд, и пальцы его быстро скользнули по краю очага.

«А-Шу».

«Что?» - Хэ Чжэньшу поднял голову, и в тот же миг кто-то мягко надавил ему на плечо. Прохладные кончики пальцев коснулись его щеки, легко провели по ней.

Он моргнул в недоумении — и заметил, что на пальцах Пэй Чанлиня осталась зола.

Пэй Чанлин не удержался и тихо хмыкнул:

«Пф-ф...»

Лицо Хэ Чжэньшу и без того уже было перепачкано: по обе стороны щёк тянулись светлые следы копоти. А теперь, после того как Пэй Чанлин «дополнил» их ещё двумя штрихами, на белой коже появились словно усики — выглядел он теперь точно как маленький пёстрый котёнок.

Хэ Чжэньшу замер, а потом возмутился:

«Ты такой... ребенок!!!»

«Ладно, не буду тебя больше дразнить. Дай, я вытру».

Поняв, что и вправду рассердил своего маленького мужа, Пэй Чанлин поспешно спрятал улыбку и рукавом осторожно стал стирать с его лица сажу.

Брови Хэ Чжэньшу были чуть нахмурены, глаза — влажные, покрасневшие от дыма, губы — ярко-красные. Пэй Чанлин, глядя в эти ясные, блестящие глаза, постепенно замедлил движение рук и, будто сам того не осознавая, наклонился ниже.

Его взгляд невольно остановился на мягких, чуть приоткрытых губах.

В тесной кухне между ними почти не осталось расстояния — Хэ Чжэньшу чувствовал исходящий от Пэй Чанлиня запах трав и свежего дерева. Он застыл, глядя на лицо, которое всё ближе приближалось к нему, и на миг забыл, что нужно отстраниться. Даже мысли стали вязкими и медленными.

...Неужели Пэй Чанлин хочет его поцеловать?